

До убежища было слишком далеко, и Пустошь не была достаточно великодушна, чтобы проявить милосердие к тем, кто вышел неподготовленным.

Свист!

Песчаная буря в Пустоши была такой же суровой, как и всегда. На третий день после того, как я не смог нести мать, я укрылся в небольшой пещере.

Сухой корм, который я принес, закончился, а воду я уже давно не пил. Большую часть своей доли я отдал матери, но она не смогла ее проглотить и ее снова вырвало.

Д-36 – наркотический яд. Если не вводить его периодически, он уносит жизнь субъекта. Наркотик, который идеален, когда дело доходит до манипулирования кем-то.

Мы с матерью медленно умирали в этой пещере на Пустошах.

4 дня, 5 дней, песчаная буря прекратилась, а вынести мать у меня не было сил.

«Г-Гё-су... мой сын».

Я услышал голос матери, которая несколько дней не открывала глаз. Я сразу это почувствовал; это будут ее последние слова. Мне пришлось остаться рядом с ней. Я не мог пошевелиться ногами, поэтому подполз к ней и лег рядом с мамой. Ее руки, костлявые за последние несколько месяцев, гладили мое лицо. Она пришла в себя, но, похоже, не видела моего лица.

«Мой сын...»

«Мне очень жаль... если бы я только не пошел в Купол...»

Сухие руки матери ласкали мои глаза, словно вытирали непроливишиеся слезы.

«Это не... твоя... вина...»

Всего одно предложение, и все же мне казалось, что я могу заплакать от этих слов. Слезы коснулись рук моей матери.

«Мой бедный ребенок... мне... жаль...»

«Эм-м-м! Ууууууу...»

Я не мог сказать ничего, как ребенок, который со слезами бежит к матери и зарывается в ее теплое тело. Я закрыл лицо ее руками и заплакал.

На лице моей матери не было никаких признаков боли. Просто беспокойство. Она переживает за своего сына, который будет нести эту вину всю свою жизнь, путешествуя по Пустоши в одиночестве.

Сожми!

Я даже не мог понять, как моя умирающая мать находила в себе эту силу.

Кусать.

Горячая жидкость начала стекать с моих губ, и прежде чем я успел осознать, что это было, мое тощее тело облизало ее.

«Гёсу. Вам нужно жить. Что бы ни случилось, что бы тебе ни пришлось делать, ты должен быть жив. Пока ты жив, ты снова встанешь. Возьми?»

«М-мама? Что это...?»

«Отвечать!»

Еще больше крови капало мне на лицо.

«Вы будете жить! Не важно что! Вы будете жить!»

На резкие слова матери я лишь кивнула головой, и именно тогда ей удалось улыбнуться.

«Верно. Жить. Жить хорошо. Жить...»

Тук!

Моя мать вложила эти слова в мою голову и больше никогда не вставала. Я держал маму, пока ее тело не остыло.

Я тоже должен был умереть. Что бы ни случилось, я должен был умереть там.

[Но ты... хороший сын, который слушал свою мать...]

Он ждал смерти. Однако жажда, утоленная жертвой его матери, еще больше усилила его голод. Боль была такая, словно весь желудок разорвался на части и скрутился. Его мысли о смерти постепенно исчезли. Это был просто голод, и только этот голод наполнял его разум. Он не мог отдохнуть из-за голода.

Обычная авария не стала бы причиной такого, но затем странные мысли пронеслись у него в голове.

«Жить! Вам нужно жить любой ценой».

Слова его матери и капли крови, стекающие по ее губам. Несмотря ни на что, нужно жить.

Что делать
Что делать Что делать Что делать Что делать Что делать Что делать Что делать Что делать Что делать
Что делать Что делать Что делать Что делать Что делать Что делать Что делать Что делать Что делать
Что делать Что делать Что делать Что делать Что делать Что делать Что делать Что делать Что делать

Что мне нужно сделать? Я...

«Мама...»

Я не мог вспомнить, что я сделал, но помню, как напоминал себе о воле моей матери.

Несколько часов спустя я гулял по Пустошам.

На следующий день я нашел убежище.

На следующий день я вернулся и гулял по Пустошам. Никаких признаков не было, но мое тело и душа как будто говорили мне, что я нахожусь в нужном месте.

Пещера недалеко от убежища.

«Ааа, ах...»

Мать была там.

Повсюду была размазана темно-красная кровь. Глубокая рана на запястье. Воспоминания о том времени начали протекать в моей голове, и мое горло обожгло.

«Ух... ухх... Уххх...»

Я даже не мог выдавить из себя имя матери. Потому что я не мог осмелиться позвонить ей. Ужас передо мной был похож на сцену в аду; это была рамка, которая навсегда связала меня, когда я сел.

[Внутри каждого человека живет зверь... если снять тонкую оболочку, закрывающую ваше сознание, то появится огромный зверь, о котором вы никогда бы не подумали в жизни...]

Я не мог кричать из-за разбитого сердца и души, сбившейся с пути.

А крик, который я мог бы издать, был бы оскорблением, оскорблением и извинением.

Я помню, как застрял там, словно темно-красные пятна крови.

Это воспоминание не покидало меня, пока я шел по Пустошам.

Нажмите!

Экран погас, и стул, на котором он сидел, протащили впереди меня.

[Ах, посмотрите, как лицо нашей раковины почернело и умерло. Разве ты не хочешь увидеть больше? Хочешь сдаться?]

'...'

Я не мог говорить. Если я сейчас открою рот, я обязательно выйду из себя, будь то из-за воя, ругани или крика. Воспоминания об этом дне преследовали меня, как проклятие. Я не мог убежать от них. Вкус... странное ощущение сытости... воспоминание об удовлетворении... Я никогда не смогу этого забыть.

Трепещите...

И именно тогда я начал ненавидеть себя.

Больше, чем кто-либо другой.

[Нет? Мать это хорошо знала. Что за люди в Куполе? Что произойдет, если ты пойдешь туда? Вы выжили в одиночестве 2 года в Пустошах, так что вы и она, должно быть, слышали все, что происходило. А ты проигнорировал ее слова и отвез ее туда. Без тебя, возможно, у твоей матери был бы шанс выжить сейчас.]

Трепещите!

Его сознание казалось, будто оно медленно разрушается.

[Ах, если бы эта бомба пролетела над моей головой, а не над головой моих коллег.]

Сожми!

[Чувак, если бы эта пуля попала мне в сердце, а не в плечо! Если бы я умер... мать умрет!]

«Если бы я только умер вот так».

[Вы были живы.]

«Мне бы не пришлось так страдать».

Сожми!

Глубокий треск от моих ног до груди.

«Я должен был жить. Тем более моей маме, которая меня спасла. Даже для ребят, которые меня спасли. Я хотел умереть каждый день, но мне приходилось жить без завещания».

Кеке.

Интересный. Я могла одновременно чувствовать свою вину и удовольствие этого человека. Я хотел убить его.

[Эм. До этого момента ты вел себя плохо. Даже по мотивам Wasteland он идеален, правда? Но... что осталось? Сможешь ли ты удержать это? Если ты уже заглянул в свои грехи, не лучше ли досмотреть до конца?]

Кекек!

Он подошел ко мне и нежно коснулся моей разбитой совести.

[Помнишь пять лет назад? Ваш игровой персонаж... Те дни, когда вы лихорадочно копались в игре, чтобы избежать боли потери матери и деревни Ашпель, расположенной за синей линией. Ты помнишь?]

Ба-дамп.

Мои руки потеряли силу. Мой первый игровой персонаж. И деревня Ашпель, которая была забыта, я так старался ее забыть.

[Как я и думал, ты не забыл. На самом деле, ты тоже это знал. Это не просто игра.]

[Теперь скажи это своим ртом. Что ты там увидел...]

Его тело медленно просачивалось сквозь мое потрескавшееся сознание. Его голос рассеивается, как дым, и становится моим голосом.

«Я влюбился в игру. Меня рвало, что бы я ни ел, а Кодуро отчаянно помещал меня в разъем и вводил еду через функцию обслуживания плеера. Я приняла это, потому что мне пришлось жить по словам матери. В те времена, когда странное чувство сытости преследовало меня, что бы я ни ел, это был единственный способ выжить. Чтобы забыть, я погрузился в игру».

[И... что ты там нашел?]

Я кивнул...

«Просто... обычный соседский NPC. Это была пара средних лет... и, как ни странно, я чувствовала близость к ним.

[Так?]

— Ничего особенного. Просто потому, что в городе не было постоянных дворов... Мне хотелось пожить в этом доме какое-то время. К счастью, пара была дружная, и мне... везде хорошо, поэтому хотелось отдохнуть. Но отдохнуть было негде. Но дом... был немного другим. Я прожил в этом доме довольно долгое время».

Мое сознание, как змея, вошло в мое сердце. Медленно копаюсь, раскрывая вину, которую я прятала глубоко в своем сердце.

Они вдвоем каждый день обеспечивали ужином и ночлегом одинокого путешественника, который внезапно приходил и просил дать ему место для проживания. И я делал разные вещи для них и деревни. Через месяц меня стали называть приемным сыном пары.

«Месяц... Они были хорошими людьми. В те дни, когда мне порезали вены и повторяли лечение десятки раз в день, в жизни, когда у меня всегда был под рукой единственный заряженный пистолет, мир здесь... было удивительно, как я к этому привык. Я подумал, что если бы я был здесь, возможно, я смог бы преодолеть это, и настал день, когда даже эти воспоминания будут жалить».

Это был обычный вечер. Мартой и Эдди звали обычную пару, которая любила печь и петь.

Сначала было легкое чувство головокружения. Привычка Эдди постукивать правой рукой перед едой. Я чувствовал, что это то, что я видел часто, но я проигнорировал это.

Знакомый вкус хлеба. Тот же восхитительный вкус выходных, который моя мама ставит на стол каждое воскресное утро. Я тоже это проигнорировал.

Я также проигнорировал Эдди, когда он сказал, что он застенчив и тайно пишет стихи в качестве хобби. И проигнорировал тот факт, что стиральная машина Марты была той, что была у моей матери.

Потому что это не имело смысла, это не имело смысла!

А потом я увидел свое отражение в их глазах.

«Я... я хочу, чтобы вы слушали нас, не понимая неправильно то, что мы говорим».

«Как вы знаете, у нас с мужем нет детей. Я не знаю, что с тобой происходит и как ты попал сюда с такими шрамами.... Можем ли мы теперь называть тебя нашим сыном?»

Два человека посмотрели на меня глазами любви, как и мои родители. Я был этому рад. Я кричала внутри, когда поняла, что не могу даже отказаться от предложения. Это произошло потому, что два человека заменили моих умерших родителей.

[Андре Гедройц... такой гений. Создать такого реалистичного, живого и именно человекоподобного NPC, который не теряет автономности ни при каких обстоятельствах. Но знаете ли вы? До исчезновения Гедройца в GG ver 1 NPC не было в живых. Чем больше людей играло в игру, тем больше NPC начинали двигаться и вести себя как люди.]

Просто эта мысль была бессмысленной. Я вылез из разъема и поискал на нем данные. И ниже многих моих входов в систему были эти вещи, которые пришли.

Происходило что-то нелепое.

[Это царство Бога — создавать вещи, которых не существовало. Однако клонирование того, что уже существует... Если бы было настолько гениально создать что-то вроде этого мира, разве это тоже не было бы возможно?]

Эдди и Марта были неигровыми персонажами, копировавшими информацию моих родителей. Точное воспроизведение идей, действий, привычек человека и всего, что сделало его таким, какой он есть. Кроме того, души всех NPC в игре состояли из данных подключенного пользователя.

[Отвратительный ребенок, то, что ты нашел, — это не теплое место для отдыха, а идеальный манекен, который заменит твоих умерших родителей. Мертвые? Что ты знал? У тебя появились новые родители! Идеальные, чтобы заменить, унижить и относиться к вам так же, как и раньше!]

«АААААА!!!!»

Сожми!

Чувство отвращения, захваченное чувством вины. Лицо, оторванное от моих пальцев, залилось кровью.

«Убирайся! Уберись из моей головы!»

[Попробуй отрицать это! Ты знал с самого начала! Вы просто проигнорировали это! Нет такого понятия, как приемлемое, если кто-то просто любит тебя! Если бы можно было убежать от этих воспоминаний! С любимым бы все было в порядке!]

«АААААА!!!!»

Мне хотелось вырвать ему голову и вырвать, и я ненавидел себя за то, что даже пытался все это забыть. Я хотел забыть. Но это не были вещи, о которых можно было просто забыть. Что я пытался заменить все, что получил до сих пор!

Я всегда помню, как отвечал «да» на вопросы Эдди и Марты.

Капать.

Между разорванной кожей лица поднималась темно-красная плоть. Инфекция, остановившаяся около шеи, поднялась к челюсти, и ароматный голос прорвал разрушающееся сознание.

[Шшш. Не грусти так. Когда ты несчастен, у меня тоже болит сердце. Я помогу тебе.]

‘Помоги мне?’

[Верно. У тебя есть отец, который умер за тебя, и мать, у которой есть все, кроме этого. Однако вы решили забыть воспитавших вас родителей и заменить их. Разве это не тяжелое бремя нести в одиночку?]

Тяжелый. Да, это было слишком тяжело. Я даже не мог стоять самостоятельно, поэтому бродил по пустыне и принимал лекарства, а поскольку этого было недостаточно, я истязал свое тело. Каждый раз, когда я чувствовал боль, я расплачивался за свои грехи. Привычка к членовредительству продолжалась в течение года.

[Верно. Насколько болезненно, должно быть, было оказаться взаперти с такой ненавистью? Позвольте мне положить это. Я возьму все это с собой.]

‘Возьми это с собой?’

[Правильный. Твои грехи, твои воспоминания, твоя боль. Я позабочусь обо всем. Ты забываешь об этом и засыпаешь.]

Рассыпаться.

Последнее оставшееся эго Профессора начало рушиться. Инфекция, на которую он смотрел, теперь стала его зрением, которое ничего не могло видеть.

[Ааа, вот каково было видеть мир, иметь тело. Быть законченным объектом. Это действительно... красиво.]

Монстр попытался вселиться в свое новое тело. Вопреки своему внешнему виду, тело выглядело хрупким. Но должен быть способ вернуть это обратно. Ласки не было, но он решил попросить помощи у матери.

[Эм?]

Его тело... Должно быть, инфекции все это доказали. Почему? Почему рука не двигается свободно?

‘Нет...’

Сожми!

Правая рука профессора двигалась медленно, но это вышло из-под контроля монстра, который овладевал его телом.

«Я не могу... дать это...»

Обожженные воспоминания накапливались в его ранах. Насильно построенное на нем это рухнет, и сияют маленькие скрытые фрагменты. Некоторые называют это сутью жизни. Некоторые называют это человечностью. Некоторые называют это душой.

Решение, разбитое болью в крайностях жизни, держалось в окончательном сознании.

«Эти грехи... мои...»

Мое тело, моя жизнь. Я понесу их все на своей спине, даже если мне придется нести их все. Воспоминание о том моменте, когда я покинул людей. И память о попытках заменить тех, кто дал мне все. Это отвращение. Боль вся моя. Узником этого греха должен быть я один.

Правая рука закрыла половину его лица, когда он начал разрывать его на части.

[Подожди, остановись! Ч-почему бы тебе просто не сдать?! То, что ты чувствуешь, то же, что и я! Эта... эта боль реальна! Ваша жизнь будет продолжаться и продолжаться, полная боли! В жизни нет надежды, если ты не оставишь эти воспоминания!]

Тук!

Руки начали выкручиваться. Вернулась чувствительность конечностей, вернулась боль от инфекции, которая, казалось, разрывала тело изнутри. Жара была хорошая. Это правильно, потому что я заслуживаю этой боли и страданий.

Чак!

Полураздавленные глазные яблоки начали восстанавливаться, и зрение вернулось. Его голос затих, и парень почему-то плакал.

«Все в порядке. Вот как я решил жить».

Я этого не забуду. Посвящение в этот день. И я, который собирался все это бросить.

Чик!

‘Не сдавайся...’

— Вот так... надо жить... обязательно... жить...

Последние воспоминания о них двоих тихо промелькнули перед моими глазами.

Люди — существа, ищущие надежду. Тем не менее, некоторые сломленные и разбитые души продолжают свою жизнь, страдая от грехов и стыдясь цепляться за душу, настолько хрупкую, что она может быть уничтожена порывом ветра.

<http://tl.rulate.ru/book/78497/3816010>